

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 9
Выпуск 2

2015
Июнь

ФИЛОЛОГИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
ЖУРНАЛИСТИКА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С АВГУСТА 1946 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Васильева Э. В.</i> Готические конвенции и воспитательная интенция в «Рассказе старой няньки» Э. Гаскелл	4
<i>Горошкова Р. Р.</i> Память и чувства в рождественских повестях Ч. Диккенса 1840-х годов	11
<i>Климовская А. Я.</i> Гендерный аспект романов А. Брукнер «Родные и друзья» и «Заповздавшие»	18
<i>Куранда Е. Л.</i> «Король Лир» в переводе Михаила Кузмина и Анны Радловой	28
<i>Придорогина Е. А.</i> Миф о женщине в диалогии Франка Ведекинда «Лулу»	38

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бацуева В. С.</i> Категоризация здорового образа жизни средствами фразеологии: аксиологический аспект	48
<i>Боднарук Е. В.</i> Классификация речевых актов с футуральной семантикой (на материале немецкого языка)	62
<i>Бузальская Е. В.</i> Функции концепта в современном эссе	76
<i>Генералова Е. В.</i> Лексико-семантические характеристики разговорного русского языка XVI–XVII вв.	85
<i>Горбов А. А.</i> Механизм семантического калькирования и его роль в восполнении дефектных парадигм числа абстрактных существительных в современном русском языке	96
<i>Емельянова О. В.</i> Об одной модели выражения ценностных представлений в современном английском языке (<i>Life is about people</i>)	105

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

© Авторы статей, 2015

© Издательство

Санкт-Петербургского университета, 2015

<i>Куницына О. А.</i> Из опыта текстологического анализа представления катастрофы в новостном дискурсе (на материале газетных сообщений, освещающих тайфун Хайян).....	113
<i>Минченков А. Г., Горелова А. А.</i> Концепт DISRESPECT и возможности его изучения.....	122
<i>Нифонтова Д. Е.</i> Техники ориентации ранненововерхненемецкой драмы на рецептивные возможности ее зрителя (читателя).....	130
<i>Новожилова К. Р.</i> Лингвопрагматическая характеристика диалогичности в частной переписке И. В. Гёте.....	136
<i>Руднев Д. В.</i> История возвратных связочных глаголов со значением возникновения.....	144
<i>Соболева Н. П.</i> Влияние особенностей контекста на окказиональное использование фразеологических единиц в рекламных слоганах к фильмам.....	155
<i>Федорова М. А.</i> Орфография Мстиславова евангелия и проблема узкой датировки памятников раннедревнерусского периода.....	164
<i>Шарихина М. Г.</i> Однородные сказуемые в языке переводного Метафрастово Жития Николая Мирликийского (на материале русских списков XV–XVI вв.).....	177
<i>Смирнова Н. В., Щемелева И. Ю.</i> Роль письма в современном университете: анализ зарубежной практики обучения академическому письму.....	185

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Жилякова Н. В.</i> «Коммерческая пресса» дореволюционного Томска: рекламно-информационные газеты на рынке провинциальной периодики начала XX в.	198
<i>Олейников С. В.</i> Миротворческий потенциал и язык конфликта современной журналистики	208

На наш журнал можно подписаться по каталогу «Пресса России».

Подписной индекс 36319

Свидетельство о регистрации СМИ № ФС77-46846
от 30 сентября 2011 г. (Роскомнадзор)

Ответственный редактор Вестника СПбГУ
канд. биол. наук *Н. А. Гуляева*

Редактор *М. П. Соболева*
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Подписано в печать ответственным редактором серии 15.06.2015.

Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 00,00. Уч.-изд. л. 00,00. Тираж 165 экз. Заказ № 000

Адрес Издательства: 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21.

Тел./факс 328-44-22

Р. Р. Горошкова

ПАМЯТЬ И ЧУВСТВА В РОЖДЕСТВЕНСКИХ ПОВЕСТЯХ Ч. ДИККЕНСА 1840-Х ГОДОВ

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Концепт «память» является важнейшим для правильного понимания и прочтения цикла рождественских повестей Ч. Диккенса 1840-х годов. Календарность выхода повестей, приуроченная к Рождеству — празднику, когда вспоминают рождение Христа, обусловила доминирование в них мотива воспоминаний. Лексически оно проявляется в символических и ключевых фразах, выявляющих причинно-следственные связи событий, происходящих в повести, но не на сюжетном уровне, а на более глубинном — метафизическом. По Диккенсу, память — это память не о предметах, а об ощущениях, то есть о чувствах, которые мы можем испытывать по отношению к этим предметам. Созданная Диккенсом литература — напоминание о чувствах в эпоху, когда вот-вот начнется торжество литературы факта. Она раскрывает один из самых, возможно, неосознанных замыслов создателя литературного произведения — сохранить в веках ощущения своей эпохи. Библиогр. 12 назв.

Ключевые слова: Диккенс, рождественская проза, литературная память, викторианская литература.

MEMORY AND FEELINGS IN CHRISTMAS STORIES OF THE 1840S BY CH. DICKENS

R. R. Goroshkova

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The concept of “memory” is extremely important for the correct understanding and reception of Ch. Dickens’s Christmas stories cycle written in the 1840s. Publications of the stories were calendar-based on Christmas, when people usually call to mind the birth of Jesus Christ, which predetermined the domination of the memory motif in the considered works. Lexically, it is manifested in symbolic and key phrases revealing causes and effects of the events on a metaphysical level. According to Dickens, memory consists of recollections about senses rather than things, emotions we have for those things. The works created by Dickens are a literary reminder about feelings of the epoch, when literature of the fact had almost triumphed; they reveal, perhaps, one of the unconscious intents of the creator to keep the feeling of his time for the ages to come. Refs 12.

Keywords: Dickens, Christmas prose, literary memory, Victorian literature.

В каждой из пяти повестей Ч. Диккенса 1840-х годов — «Рождественская песнь в прозе», «Колокола», «Сверчок за очагом», «Битва жизни», «Одержимый или сделка с призраком» — проставлен акцент на важности понятия «память». Очевидно, что это не случайный, а осмысленный автором на идейном, структурном и тематическом уровнях прием, позволяющий расшифровать смысл как отдельной повести, так и всего цикла рождественских повестей, а возможно — и всего творчества писателя в контексте его эпохи. В данной статье предпринимается попытка выяснить причину, по которой Диккенс «отдавал дань» памяти в указанных повестях, а также степень важности концепта «память» для понимания философско-эстетических воззрений писателя.

Сама символика Рождества содержит в себе мотив памяти: в этот день люди вспоминают рождение Богомладенца. Исследователь календарной прозы Е. В. Дущечкина пишет: «...Памятная дата провоцирует человека на мысленное воспроизведение событий и обстоятельств, имевших место в прошлом в то же самое кален-

дарное время. Эта особенность переживания календаря лежит в основе церковных календарных праздников и в первую очередь — Рождества, главный смысл которого состоит в воспоминаниях о рождении Иисуса Христа, чем и объясняется особое пристрастие “рождественской” литературы к мотиву “воспоминаний» [1, с. 148].

Важный ключ к каждой из повестей может заключаться в одной фразе, и эта фраза обязательно будет отсылать к памяти. Первый диалог в первом произведении цикла — «Рождественская песнь в прозе» — как раз о памяти: племянник Скруджа пришел поздравить дядю с веселыми святками, на что «не человек, а камень» Эбенизер Скрудж отвечает: «Не мешай мне о них забыть!» [2, с. 11]. На протяжении всей повести Скрудж пытается их вспомнить с помощью Духов Рождества и обрести человечность. «Не забывай о суровой действительности, из которой возникли эти видения» [2, с. 192] (“Try to bear in mind the *stern* realities from which these shadows come” [3, p. 162]), — так заканчивает напутственное слов читателю нарратор второй повести цикла, «Колокола». Фраза эта, по всей вероятности, отсылает к тому, кого Диккенс не мог не считать одним из своих предшественников, — к Стерну и расширяет горизонт дополнительных прочтений этого произведения, выводя поиск смысла за границы той реальности, в которой жил чудак Тоби, главный герой повести, ко всему прочему носящий имя одного из известных героев Стерна. Вообще, чудачки и чудачки — обязательная составляющая произведений Диккенса, в том числе и рождественских повестей, — еще одно свидетельство генетической связи прозы писателя с сентиментализмом.

В третьей повести цикла, «Сверчок за очагом», в одном из первых диалогов героиня по имени Крошка говорит своему мужу: «В первый раз я услышала его [сверчка] веселую песенку в тот вечер, когда ты, Джон, привел меня сюда в мой новый дом, как хозяйку. Почти год назад. *Помнишь, Джон?*» <...> О да! Джон *помнит*. Еще бы не *помнить!*» [2, 206] (курсив здесь и далее мой. — Р.Г.). Впредь именно песенка сверчка помогает героям произведения **не забывать** о важном.

В двух последних повестях цикла мотив памяти становится лейтмотивом. В «Битве жизни» чудачка Клеменси повсюду носит с собой наперсток, на котором выгравированы слова «Забудь и прости» (“For-get and For-give”) [3, p. 262]. Эти слова, подобно наперстку, должны защитить человека от укулов судьбы и ран, которые могут нанести ему другие, а особенно — близкие люди. Именно они станут главной идеей повести, будут неоднократно повторяться, их произнесут «под занавес».

В повести «Одержимый» в уста самого пожилого героя вложены слова: «Боже, не дай увянуть моим воспоминаниям» (“Lord! keep my memory green!”) [4, p. 125]. Они также будут повторяться ритмично на протяжении всего произведения и завершат его. Эта фраза в оригинале и буквальном переводе отсылает к обязательному атрибуту любого английского Рождества — остролисту; его и держит в руках упомянутый герой. По Диккенсу, остролист — символ не только Рождества, но и памяти: «Посмотрю я на эту ветку — и опять вижу их [умерших родных] всех живыми и здоровыми, как тогда» [2, с. 405]; «Когда я каждый год вот так обхожу весь дом, как сегодня, и украшаю пустые комнаты свежим остролистом, моя пустая старая голова тоже становится свежее» [2, с. 406]. И скряга Скрудж ополчается на упомянутый символ: «Да будь моя воля, — негодуяще продолжал Скрудж, — я бы такого олуха, который бегаёт и кричит: “Веселые святки! Веселые святки!” — сварил бы живьем вместе с начинкой для святочного пудинга, а в могилу ему вогнал кол из остролиста»

[2, с. 11]. Кроме того, зеленый (цвет остролиста) является символом дара, дарения [5, с. 128], что коррелирует с сюжетом «Одержимого» (призрак приносит Редлоу именно дар, соответственно три главы повести названы «Дар принят», «Дар разделен», «Дар возвращен»). Прием умолчания о самом важном, которое должно угадываться только по символическим деталям, немецкий исследователь начала XX в. В. Дибелиус называет романтически-народным и полагает, что это один из самых распространенных приемов в прозе Диккенса [6, с. 142].

Сквозной мотив памяти — это важнейший циклообразующий признак рождественских повестей Диккенса 1840-х годов, все главные герои которых сталкиваются с неприятностями и сложностями именно из-за того, что давно и надолго или недавно и временно, вольно или невольно потеряли способность помнить. Память — связующее звено между прошлым, настоящим и будущим, и хотя ни в одной повести мы не встретим персонажа, который бы фигурировал в другой, но память — это то, что помогает рождественским повестям вступить между собой в диалог, подчеркивая их цикличность.

В «Рождественской песни в прозе» имена «Скрудж и Марли» красуются на вывеске конторы Скруджа, хотя один из компаньонов — Марли умер 7 лет назад. «Какой-нибудь новичок в делах, обращаясь к Скруджу, иногда называл его Скруджем, а иногда — Марли. Скрудж отзывался, как бы его ни окликнули. Ему было безразлично» [2, с. 8]. От обоих в данном случае осталось только имя: Марли умер, а Скрудж хоть и живой, но в нем мало истинного Скруджа — того настоящего, каким его создал Бог, каким его знали близкие и родные люди. В повести же «Колокола» все наоборот — суть и истинное предназначение у главных героев, церковных колоколов, сохранились, а имена — нет: «То были очень старые колокола, уж вы мне поверьте. Когда-то давно их крестили епископы — так давно, что свидетельство об их крещении потерялось еще в незапамятные времена и никто не знал, как их нарекли. <...> ...и теперь они висели на колокольне безымянные и бесстаканные. <...> Но только не бессловесные. Отнюдь нет. У них были громкие, чистые, залиvistые голоса, далеко разносившиеся по ветру» [2, с. 106].

В повести «Одержимый или сделка с призраком» Дух, посетивший Редлоу, когда тот сидел у камина (подобным образом добрые духи являлись к главным героям и в «Рождественской песни в прозе», и в «Сверчке за очагом»), наделяет его своеобразным даром, который оборачивается проклятием, — лишает его возможности помнить скорби и обиды. Призрак сверчка, пришедший к главному герою повести «Сверчок за очагом» Джону Перебинглу, напротив, возвращает ему светлые воспоминания и помогает не совершить непоправимое.

И пока возчик по-прежнему сидел в раздумье, подперев голову руками, призрак сверчка стоял рядом с ним, могуществом своим внушая ему свои мысли и показывая их ему, как в зеркале или на картине [2, с. 264].

— Я всю ночь сидел здесь у очага... всю ночь! — воскликнул возчик. — На том самом месте, где она часто сидела рядом со мной, обратив ко мне свое милое личико. Я вспомнил всю ее жизнь, день за днем. Я представил себе мысленно ее милый образ во все часы этой жизни. И, клянусь душой, она невинна, — если только есть на свете Высший суд, чтобы отличить невинного от виновного! [2, с. 272].

В кульминационный момент повести Джон Перебингл собирается отпустить свою Крошку с другим мужчиной, а сам — жить всю жизнь со светлыми воспоминаниями о ней.

Очевидна и перекличка «Одержимого» с повестью «Битва жизни». Если профессор Редлоу полагал, что его жизнь несчастна из-за воспоминаний о пережитых скорбях и обидах, то доктор Дждлер, напротив, «смотрел на мир как на грандиозную шутку, чудовищную нелепость, не заслуживающую внимания разумного человека» [2, с. 303]. Ученый Редлоу, осознав свои заблуждения и увидев, сколько горя он принес окружающим, восклицает: «Долгие годы я объяснял ученикам, что в материальном мире нет ничего лишнего; ни единый шаг, ни единый атом в этом чудесном здании не пропадает незамеченным, но, исчезнув, оставляет пробел в необъятной вселенной» [2, с. 466]. А философа Дждлера, беззаботно прожившего всю жизнь, изменило именно горе и воспоминания о нем: «Я не стану рассказывать, как смиренно вспоминал бедный доктор о горе, которое он испытал, когда потерял Мэрьон, и не буду говорить о том, какой серьезной ему теперь казалась жизнь, в которой каждый человек наделен крепко укоренившейся в нем любовью, а также о том, что такой пустяк, как выпадение одной ничтожной единицы из огромного нелепого итога, поразило доктора в самое сердце» [2, с. 386].

Ключевая фраза, вложенная в уста одного из героев этой повести — «Мы ведем счет времени по событиям и переменам внутри нас. Не по годам» [2, с.378], — приводит к основной идее всех рождественских повестей 1840-х годов — значению понятий «чувства» и «чувствовать», которые в последней, пятой, повести — «Одержимый или сделка с призраком» — становятся синонимами понятия памяти.

Мотив памяти является в «Одержимом» лейтмотивом: события начинают разворачиваться в тот момент, когда к главному герою, ученому мистери Редлоу, приходит безымянный Дух — подразумевается, что это Дух Памяти. Гость предлагает мистери Редлоу Дар — забыть обиды, ведь именно они терзают ученого холодными вечерами, заставляя его впадать в уныние — смертный грех для любого христианина. Эта сделка с призраком (в данной повести, в отличие от других повестей цикла, до конца не ясно, каким именно силам — темным или светлым — служит Дух) лишает главного героя не только памяти: он теряет и способность чувствовать, а точнее — сочувствовать. Редлоу понял, что хотя и потерял в молодости всех своих близких, только сейчас, приняв Дар, он стал по-настоящему одинок: «С лампой в руках Редлоу вернулся к себе, поспешно запер дверь и, опустившись в кресло, закрыл лицо руками, точно страхась самого себя. Ибо теперь он поистине был один. Один, один» [2, с. 422]. Впредь ничьи страдания и муки не вызывают в нем ответного чувства, как и в том мальчике-сироте, что олицетворяет в повести человека без памяти и без прошлого: «Кровь стыла в его жилах, когда он смотрел на это бесстрастное, не доступное никаким человеческим чувствам чудовище» [2, с. 451]. Важно еще и то, что потеряв память и способность сочувствовать другим, Редлоу перестал воспринимать музыку, которая превратилась для него лишь в набор ничего не значащих звуков: «Он остановился, чтобы послушать донесшуюся откуда-то печальную музыку, но услышал лишь мелодию, издаваемую бездушными инструментами; слух его воспринимал звуки, но они не звали ни к чему сокровенному в его груди, не нашептывали ни о прошлом, ни о грядущем» [2, с. 453]. Однако именно рождественские напевы — гимны, восхваляющие рождение Богомладенца, который завещал

прощать обиды, а не забывать их, — возвращают мистеру Редлоу память: «...что-то беззвучно затрепетало в глубине его существа, и теперь он снова мог взволноваться тем, что таила в себе далекая музыка» [2, с. 468]. Диккенс описывает эмоции своих персонажей без психологизма, не анализируя их переживаний. Изменения психологического состояния обнаруживаются, когда происходит отклик на что-то внешнее, чаще всего — музыку. Эта мысль находит подтверждение, например, в монографии Е. Г. Хайченко [7, с. 48].

По мнению американского исследователя Дж. И. Марлоу, желание Диккенса как писателя изменить мир, сделав его лучше, воплощалось в том, что он изменял чувства читателя по отношению к этому миру, вводя в него «триггеры» (например, звон колокола) и задавая к ним определенное отношение [8, р. 25–26]. Как считает Марлоу, память — это память не о предметах, а об ощущениях, то есть о чувствах, которые мы можем испытывать по отношению к этому предмету. Продолжив эту мысль, можно сказать, что не только определенные «триггеры» или яркие образы служат пробуждению чувств читателя. Вся ткань повествования требует работы органов чувств: нужно не просто читать — нужно видеть, слышать и ощущать то, что происходит внутри текста.

В то время как зарождающийся позитивизм привносил в мир идею о том, что чувства и эмоции — это проявления физиологического начала в человеке, или животные инстинкты, «для Диккенса чувствительность — это то, что отличает человека от животного» [9, р. 20], а аллегорическим воплощением этой идеи является вышеупомянутый бесчувственный ребенок, которого увидел Редлоу сразу после встречи с призраком: «Младенец-дикарь, маленькое чудовище, ребенок, никогда не знавший детства, существо, которое с годами может принять обличье человека, но внутренне до последнего вздоха своего останется только зверем» [2, с. 420].

«Правильные, “здоровые” персонажи Диккенса способны открыто выражать свои чувства — искренними слезами или залившимся смехом» [9, р. 24]. В этой связи к числу переключек между повестями можно добавить зеркальность первой и последней из них — «Рождественской песни в прозе» и «Одержимого». Два героя — Скрудж, забывший, что такое чувствовать, и Редлоу, напротив, не могущий забыть свои чувства, — по-разному подвергаются исправлению. Исправление Скруджа начинается с умения сочувствовать себе: первые изменения в его душе произошли, когда возвратившись в прошлое, он увидел себя жалким, одиноким, покинутым в Рождество юношей. Редлоу же, напротив, всю жизнь страдавший от обиды на тех, кто сделал ему больно, меняется тогда, когда забывает свои личные страдания и видит, как страшен тот дар, которым он вынужден делиться с окружающими.

Замыкая цикл повестью «Одержимый», Диккенс подытоживает свои эстетические идеи, декларируя авторскую философию и отсылая к самой сути литературы как таковой. Первая картина, которая встает перед читателем повести, — это Редлоу, сидящий «то ли в лаборатории, то ли в библиотеке». Далее подчеркивается еще одна особенность его комнаты: «Внутри, в самом сердце своем — у камина — обиталище Ученого было такое старое и мрачное, такое ветхое и вместе прочное... окруженное и сдавленное со всех сторон наступающим на него огромным городом, оно было, однако, так старомодно, словно принадлежало иному веку, иным нравам и обычаям...» [2, с. 396]. Эта комната — символ того времени, когда люди собирались у камина в темные холодные вечера, чтобы окунуться в мир литературы. Именно так

приходят к Редлоу все воспоминания: «Только сейчас я видел их в пламени камина. Они вновь являются мне в звуках музыки», — восклицает он. Стоит отметить, что действие почти всех рождественских повестей происходит у очага. Марли приходит к Скруджу, когда тот «сел у камина похлевать овсянки» [2, с. 19], сверчок поет за очагом и — в «Битве жизни» — «самый огонь домашнего очага казался еще более ярким и священным оттого, что он озарял такие чудесные лица» [2, с. 335]. Тема камина завершает последнюю повесть и весь цикл: «Когда все они собрались в старой трапезной при ярком свете пылающего камина, снова из потаенных углов крадучись вышли тени и заплясали по комнате, рисуя перед детьми сказочные картины и невиданные лица на стенах, постепенно преображая все реальное и знакомое, что было в зале, в необычайное и волшебное» [2, с. 496].

В 1840-е годы Чарльз Дарвин начинает формулировать эволюционную теорию и публиковать первые работы о происхождении видов. Диккенс, будто бы в ответ, называет повесть «Битва жизни»; в ней он показывает, во имя чего совершается борьба за существование такого вида, как человек («борющиеся сердца каждый день одерживают такие победы, в сравнение с которыми победы на обычных полях кажутся совершенно ничтожными» [2, с. 383]), и формулирует «антиэволюционную» теорию: «Элфред не сделался великим человеком... Но когда он тайно и неустанно делал добро, посещая жилища бедняков, сидел у одра больных, повседневно видел расцветающие на окольных тропинках жизни кротость и доброту — не раздавленные тяжелой стопой нищеты, но упруго выпрямляющиеся на ее следах и скрашивающие ее путь, — он с каждым годом все лучше познавал и доказывал правильность своих прежних убеждений. Жизнь его, хоть она и была тихой и уединенной, показала ему, как часто люди и теперь, сами того не ведая, принимают у себя ангелов, как и в старину, и как самые, казалось бы, жалкие существа — даже те из них, что на вид гадки и уродливы и бедно одеты, — испытав горе, нужду и страдания, обретают просветление и уподобляются добрым духам с орелом вокруг головы» [2, с. 378].

В историческом контексте викторианской эпохи позиция Диккенса выглядит остро злободневной. В рождественских повестях она выражена иносказательно и требует расшифровки (во всяком случае для сегодняшнего читателя). В эссе «Поэзия науки», написанном в 1848 г., Диккенс выражается прямее и призывает не забывать о замысле Творца: «...Наука, проникающая в тайны Природы, может подобно самой Природе возродить в новой форме все ею разрушаемое; что, освобождая нас от “безвредных суеверий”, она отнюдь не заковывает нас, как утверждают некоторые, в безжалостные цепи утилитаризма, а наоборот, предлагает нам взамен нечто лучшее, нечто более прекрасное и более возвышающее душу тех, кто умеет правильно смотреть на вещи, нечто более благородное и животворное для полета фантазии, — показать все это — значит осуществить мудрый, нужный и полезный замысел. Если бы ученые, писавшие о таких предметах, чаще ставили перед собой подобную цель, они принесли бы больше добра и повели бы по своему пути больше последователей, ныне лишь чуть-чуть различающих вдали сияние науки» [10, с. 76].

Полемика с набирающим силу позитивизмом и литературой, основанной на фактах, безусловно волновала Диккенса в первую очередь как литератора. Продолжая практику романтиков, одним из творческих принципов которых было преодоление барьеров (культурных, лингвистических, эстетических) [11, р. 1220], викторианские авторы создавали разнообразные комбинации жанров [12]. Диккенс, ощущая себя

представителем переходной эпохи, также смешивал жанры: в его рождественских повестях можно найти элементы жанров как литературных — готики, видения, проповеди, так и театральных — мелодрамы, бурлеска, пантомимы. Его творчество — дань памяти идеям и сентиментализма, и романтизма, и — что нам видится особенно важным — напоминание о чувствах, реплика на происходящие в Викторианскую эпоху изменения в сознании человека. Не писавший трактатов о своих эстетических воззрениях, Диккенс выражал взгляды на литературу в литературе. Создавая из слов музыку чувств, писатель подчеркивал, что слово без идеи — это лишь набор ничего не значащих звуков, за любым словом — память об этом слове, а художественная литература — та память, которая позволяет сохранить эти идеи в веках.

Литература

1. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 1995. 256 с.
2. Диккенс Ч. Рождественские повести. Собр. соч.: в 30 т. Т. 12. М.: ГИХЛ, 1959. 508 с.
3. *Dickens Ch.* A Christmas Carol and Other Christmas Books. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. 438 p.
4. *Dickens Ch.* Christmas Ghost Stories. Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2007. 232 с.
5. Забозлаева Т. Б. Символика цвета. СПб.: Невский ракурс, 2011. 176 с.
6. Дибелиус В. Лейтмотивы у Диккенса // Проблемы литературной формы / под ред. В. М. Жирмунского. М.: Комкнига. 2007. С. 135–145.
7. Хайченко Е. Г. Новые жанры английского театра первой половины XIX века: мелодрама, бурлеск, экстраваганца, пантомима: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения / Гос. ин-т искусствознания. М., 1996. 50 с.
8. *Marlow J. E.* Memory, Romance, and the Expressive Symbol in Dickens // *Nineteenth-Century Fiction*. Vol. 30, N 1 (Jun., 1975). P. 20–32.
9. *Purton V.* Dickens and the Sentimental Tradition: Fielding, Richardson, Sterne, Goldsmith, Sheridan, Lamb. London: Anthem Press, 2012. P. xxvii + 190.
10. Диккенс Ч. Статьи и речи. Собр. соч.: в 30 т. Т. 28. М.: ГИХЛ, 1962. 584 с.
11. The Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics / Greene R. editor in chief. 4th ed. Princeton Univ. Press, 2012. 1639 p.
12. *Timko M.* The Victorianism of Victorian Literature // *New Literary History*. Vol. 6, N 3. History and Criticism: II (Spring, 1975). P. 607–627.

Статья поступила в редакцию 26 января 2015 г.

Контактная информация

Горошкова Рената Рушиатовна — аспирант, ассистент; goroshkovfamily@gmail.com
Goroshkova Renata R. — post graduate student, assistant; goroshkovfamily@gmail.com